

18. Сидорский, С. Беларусь оценивает рыночную стоимость «Белтрансгаза» на уровне 10—17 млрд дол. США / С. Сидорский // Нац. экон. газ. [Электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2006/11/16/ic_articles_113_148699/; <http://www.neg.by/news/5432.html>.

19. Степанов, С.А. Имущественные комплексы в российском гражданском праве (Современное гражданское право) / С.А. Степанов. — М.: НОРМА, 2002. — 176 с.

20. Таль, Л.С. Очерки промышленного права / Л.С. Таль. — М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. — 315 с.

21. NMRothschild Sons определит рыночную стоимость БПС-банка // Интернет-ресурс [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: http://www.kapital.by/news/nm_rothschild_sons_opredelit_rynoc_hnuyu_stoimost_bps-banka.html#.

Т.А. Сигаева,

кандидат юридических наук, доцент

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ ПРАВОВОГО СПОРА

Статья посвящена рассмотрению научных подходов к определению сущности правового спора. Автор обобщает идеи и определяют основные представления по данной проблеме. Анализируются научные взгляды, высказываются критические замечания и доказательственные аргументы. В результате автор присоединяется к точке зрения, согласно которой под сущностью правового спора следует понимать конфликт о правах и обязанностях либо охраняемых законом интересах. Делает вывод о том, что правовой спор является сформированным тогда, когда противоречие интересов сторон достигает того предела обострения, в котором оно проявляется по меньшей мере в волеизъявлении одной из сторон о защите прав либо охраняемых законом интересов.

В теории процессуального права общепризнанной является идея о том, что порядок рассмотрения споров и иных дел в судах обусловлен прежде всего их правовой природой [1, с. 73; 2, с. 5]. Ее влияние отражается на правилах о подведомственности, подсудности, составе лиц, имеющих материально-правовой интерес в исходе дела, совокупности их прав по распоряжению предметом спора, средствах и способах защиты, составе предмета доказывания, распределении обязанностей по доказыванию и других правилах [3, с. 36—37]. В связи с этим обстоятельством определение правовой природы споров и иных дел о праве, охраняемом законом интересе, представляется важным для их надлежащей защиты в хозяйственных судах. Определить ее возможно через призму спора о праве. Первым этапом на этом пути является выявление его сути.

Определение сущности спора о праве относится к числу наиболее дискуссионных проблем в юридической литературе. По данному вопросу в теории права сложилось несколько концепций.

В основе одной из них, зародившейся еще в дореволюционном праве, лежит понимание спора о праве как разногласия. Для данного подхода характерно субъективное толкование правового явления в зависимости от отношения сторон к их правам и обязанностям.

Так, по мнению А. Г. Гойхбарга, если «...ответчик... готов удовлетворить иск, а истец, назло... предъявляет ненужный иск...», то следует прийти к выводу об отсутствии спора [4, с. 109].

Оспаривание требований истца ответчиком как необходимую предпосылку возникновения спора о праве выделял и Д.М. Чечот: «...суд обязан при рассмотрении дела в по-

рядке особого производства оставить заявление без рассмотрения, если между заинтересованными лицами возникнет спор о праве, подведомственный судебным органам. В этом случае речь идет именно о субъективном отношении заинтересованных лиц к их праву, о споре между лицами... можно сделать вывод, что несоответствие мнений спорящих сторон и создает спор о праве» [5, с. 48]. В более поздней работе в развитие данной идеи ученый-правовед привел дополнительный аргумент. По его мнению, о том, что предпосылкой для возникновения спора о праве является оспаривание требований истца ответчиком, свидетельствуют и тенденции развития законодательства в русле расширения сферы предварительного внесудебного урегулирования спора: «Целый ряд статей... ставит возможность предъявления иска в зависимость от отрицательной реакции ответчика на требование истца... обязанность предварительного согласования претензии с должником установлена в государственном арбитраже для всех категорий дел без исключения», — пояснял он [1, с. 76—77].

В последнее время схожие идеи высказал А.М. Нехороших: «...сущность спора как раз и выражается наличием разногласий у противоположных его сторон, что позволяет быстро и однозначно определить: есть спор о праве либо его нет» [6, с. 28].

Данная концепция была подвергнута критике в основном потому что разногласия — это форма выражения спора, причем не единственная, а не его суть [2, с. 21]. «...спор в правовом смысле не вполне соответствует этимологическому смыслу этого слова, так как обязанное лицо может и не спорить в буквальном смысле этого слова, но своим бездействием либо ненадлежащим исполнением юридических обязанностей нарушать права контрагента и, оспаривая их таким образом, порождать противоречия...», — отметил по этому поводу И.Г. Побирченко [7, с. 23].

В 1950-е гг. распространилась идея М.А. Гурвича, определившего спор как «помеху, сопротивление осуществлению гражданского права». «Спорить в процессуальном значении этого слова, — писал он, — значит оказывать помеху, сопротивляться, препятствовать осуществлению права...» [8, с. 68—69].

Анализируя данную концепцию, И. Жеруолис отметил: «Помеха осуществлению права или разногласия между участниками правоотношения по поводу осуществления субъективных прав и исполнения возложенных обязанностей входит в понятие спора о праве лишь как следствие неисполнения стороной своих юридических обязанностей» [9, с. 96—97]. Чуть позже схожие суждения, но в более категоричной форме выразил и И.М. Зайцев: «Помехи — это не сам правовой спор, а его значение, которое не может быть тождественно сущности» [2, с. 22].

Л.А. Ванеева, Л.А. Николаева, Н. А. Чечина и другие ученые сводили суть спора к правонарушению либо состоянию права (правоотношения), возникшему в результате правонарушения [10, с. 11; 11, с. 9; 12, с. 14].

Так, Л.А. Ванеева отмечала: «Под спором следует понимать объективное состояние правоотношения, вызванное неисполнением обязанностей одной из его сторон, при которой отсутствует возможность объективного осуществления субъективного права другой стороной» [10, с. 35].

Это весьма спорная концепция, так как не все споры следуют из правонарушения: «...В зависимости от характера взаимоотношений... возможны различные причины хозяйственных споров. Но они далеко не всегда являются лишь следствием нарушений...», — утверждал И.Г. Побирченко [13, с. 8]. Например, преддоговорные споры, споры о расторжении брака, о возмещении вреда, причиненного в результате крайней необходимости или необходимой обороны и др. [1, с. 76; 2, с. 22; 7, с. 24; 9, с. 96; 16, с. 90]. К тому же, отмечал ученый-правовед, «...понятие спор включает в себя и более узкое конкретное понятие — нарушение либо оспаривание охраняемого законом интереса, которые не всегда соответствует праву... Следовательно, спором о праве является не только такое субъективное состояние, при котором одна сторона в споре считает, что

другая сторона нарушает или оспаривает ее право либо создает неопределенность в правоотношении, но и такое, при котором удовлетворение интересов одной из спорящих сторон, по мнению другой стороны, нарушает ее собственные интересы» [7, с. 24].

Своеобразную позицию в определении сущности спора о праве занимал И.А. Жеруолис. Он также рассматривал спор как правовое образование, возникающее из правонарушения, существовавшего в действительности или предполагаемого. Однако его идея главным образом отличалась от иных тем, что, как полагал ученый-правовед, спор, возникая как явление материально-правовое, «иногда перерастает в процессуальное понятие, а иногда нет» [9, с. 93]. При этом таким понятием он становится с того момента, как оказывается предметом судебного рассмотрения [9, с. 95—98]. «Пока спор о праве не стал предметом рассмотрения компетентным органом в определенной процессуальной форме, он с точки зрения процессуального права не существует. Пока спор о праве протекает не в процессуальной форме... он может привести к различным последствиям материально-правового значения... Но пока такой спор не передан в надлежащий орган на рассмотрение, он не может стать понятием процессуального характера. Факт рассмотрения спора о праве компетентным органом в установленном законе порядке является обязательным признаком процессуального понятия спора о праве» [9, с. 97].

Приведенные мотивы послужили предпосылками к тому, что точку зрения И.А. Жеруолиса традиционно стали толковать таким образом, что материально-правовая квинтэссенция спора о праве, по его мнению, с момента его передачи на рассмотрение суда трансформируется в процессуально-правовую. Для подобных выводов есть и другие основания. Помимо прочего он отмечал: «...если лицо обращается в суд с требованием, в котором имеется материально-правовое требование, направленное к другому лицу, и просит суд о разрешении спора о праве, то... спор о праве получает процессуальный характер» [9, с. 94]. Однако в этой же работе проскальзывают и иные идеи, с нашей точки зрения, свидетельствующие о том, что ученый стоял на позиции понимания сущности спора о праве как материально-правовой. В частности, мы находим: «...процессуальная форма не может ни отменить спор о праве, ни даже повлиять на его материально-правовой характер» [9, с. 100].

Взгляды И.А. Жеруолиса на сущность спора о праве представляются оригинальными, но несколько спорными по ряду аргументов. Во-первых, как было отмечено выше, не все споры следуют из правонарушения. Во-вторых, даже если спор не передан на рассмотрение суда, то, представляется, что с точки зрения процессуального права он все же существует. Об этом свидетельствуют нормы, устанавливающие обязательность соблюдения досудебного (претензионного) порядка урегулирования споров для их отдельных категорий (например, ст. 46 Закона Республики Беларусь от 06.01.1999 г. «О железнодорожном транспорте»); необходимость указания в исковом заявлении сведений об его выполнении и приложения документов, подтверждающих данное обстоятельство (ст. 243 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь; ст. 159—160 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь); обуславливающие спор о праве как критерий подведомственности дел юрисдикционным, в том числе судебным, органам (ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, ст. 39, 41, 164 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь) и некоторые другие. Ранее данная идея была высказана И.Г. Побирченко: «...спор приобретает правовой характер не только после принятия заявления компетентным органом, но и в предшествующей форме, когда сами стороны пытались урегулировать возникший между ними спор. Такая форма разрешения не является обязательной для всех споров, но законодательное установление ее для многих категорий споров не дает оснований для обобщающего вывода о том, что споры о праве приобретают правовой характер лишь после принятия их к рассмотрению компетентным органом» [7, с. 19].

Схожие идеи высказывал и И.Г. Зайцев: «Спор возникает до судебного производства по его рассмотрению и разрешению, и его существование вполне возможно без исковой формы защиты права. Спор может быть ликвидирован вне судебного процесса путем его урегулирования самими участниками. И с момента зарождения спор о праве всегда представляет собой охранительное правоотношение сторон конфликта. Приверженцы данной концепции подменяют суть юридического спора последствиями предъявления иска. В самом деле с возбуждением судопроизводства спор о праве приобретает процессуальную форму иска, но его материально-правовая природа остается неизменной» [14, с. 4—5]. В-третьих, представляется, что с момента передачи в суд спора он не теряет свою материально-правовую сущность, ибо она устойчива.

Исключительно процессуальную сущность в споре о праве усматривали М.Д. Матиевский и М.Д. Морейн [15, с. 167; 16, с. 92].

«О правовом споре как юридическом понятии можно говорить лишь в том случае, когда действия сторон совершаются в определенной форме, предусмотренной процессуальными нормами. Поэтому спор о праве вне процесса не является юридическим понятием, а проявлением той свободы поведения, которая соответствует процессуальной диспозитивности... Свойство юридической категории спор о праве приобретает с момента его заявления заинтересованным лицом с соблюдением порядка, предусмотренного процессуальным законом. Именно данный момент (заявление спора) вызывает определенные правовые последствия... Что же касается материально-правового понятия спора о праве, то оно не выделяется ни материальным, ни процессуальным правом, а также не имеет места и в практической деятельности правоохранительных органов... На основании изложенного приходим к выводу, что спор о праве — категория чисто процессуальная», — считал М.Д. Матиевский [15, с. 166—167].

Аналогичной позиции придерживался М.Д. Морейн. По его мнению, родовое понятие спора охватывает «споры, вытекающие из гражданских, трудовых, колхозно-земельных и других правоотношений, которые, различаясь между собой по материально-правовым признакам (по кругу регулируемых общественных отношений), характеризуются общей процессуальной природой: вытекающие из них правовые споры, как правило, разрешаются в исковом порядке. Состязательное начало, заложенное в самой основе искового производства, является его важнейшим стержнем» [16, с. 92].

Однако их точка зрения представляется не совсем аргументированной, ибо не позволяет обосновать существование споров, рассматриваемых и разрешаемых в несудебных формах.

Есть и иные точки зрения по исследуемой проблематике.

Полагаем, что следует присоединиться к концепции И.М. Зайцева. В основе его идеи лежит понимание природы спора о праве как конфликта [2, с. 23]. В период господства социалистического «бесконфликтного» общества она подвергалась критике. Однако в последнее десятилетие с учетом разработки конфликтологии, в том числе юридической, концепция получает свое подтверждение.

Любому обществу присущи противоречия интересов. При взаимодействии сторон, являющихся их носителями, противоречия проявляются как конфликт. Если эти интересы опосредствованы правами, обязанностями либо охраняются законом, то речь идет о правовом (юридическом) конфликте. Его правовой сущностью является конфликт о правах и обязанностях либо охраняемых законом интересах.

Существует еще одна близкая по смыслу к этой концепции точка зрения. Ее сторонники — Д. Зарицкий, И.Г. Побирченко и другие — видят суть спора о праве в противоречиях [7, с. 25; 17, с. 122]. Так, в частности, И.Г. Побирченко отмечал: «...под спором о праве следует понимать противоречие между спорящими сторонами о правах и обязанностях в материальном правоотношении» [7, с. 25].

На наш взгляд, данная позиция не совсем верна. И.М. Зайцев указал на различия между конфликтом и противоречиями: «Хозяйственные споры нельзя считать непо-

средственным показателем противоречий ...споры выражают не любое состояние противоречий, а только их обострение, доведенное до конфликта, и как таковые имеют по сравнению с противоречиями частный характер и неизменно более узкую сферу действия. Соотношение между противоречием, конфликтом и спором можно представить таким образом: противоречие как универсальная социально-философская категория проявляется при определенных условиях в деятельности конкретных лиц как конфликт. Последний надо рассматривать как конкретно-субъектное выражение противоречия. Если конфликт имеет место в отношениях, регулируемых правом, то при определенном содержании он приобретает форму хозяйственного спора... Итак, споры не являются непосредственной формой объективизации противоречий..., а выражают конфликты... в определенной обстановке» [2, с. 12—14].

Следует отметить, что такое понимание конфликта и противоречий соответствует современным толкованиям в философии [18, с. 296] и юридической конфликтологии [19, с. 6].

Ошибка И.М. Зайцева, как представляется, состояла лишь в том, что предел этого обострения он видел в моменте получения лицом информации о нарушении либо оспаривании своих прав или охраняемых законом интересов [2, с. 55]. Этот довод не позволял объяснить те многочисленные ситуации, когда субъекты, получив такую информацию, не предпринимали никаких усилий для защиты прав, и конфликтов не возникало.

В этом контексте более корректной выглядит позиция Н.Б. Зейдера [20, с. 20—22], поддержанная Д. Зарицким, Н.А. Чечиной, согласно которой спор о праве возникает при заявлении хотя бы одного из его участников о наличии материального правоотношения и о том, что другим субъектом нарушено или оспорено его (заявителя) право [12, с. 13; 17, с. 124].

Со стороны И.М. Зайцева она встретила критику. Так, он отметил: «Но ведь для того, чтобы объявить о существовании спора о праве, он должен уже существовать. Без этого он не может быть и заявлен. Спор о праве возникает до заявления точно также, как и его правовые последствия» [2, с. 60]. Здесь в своих суждениях И.М. Зайцев прав. Действительно, чтобы заявить о существовании явления, оно должно уже существовать. Но, думается, что ученый все-таки сделал неверную ссылку. Н.Б. Зейдер, Н.А. Чечина связывали возникновение спора с заявлением одной из сторон не об его существовании, а о нарушении или оспаривании субъективных прав заявителя.

И все же, несмотря на близость к истине, думается, что авторы все же ее не достигли. Осознав происшедшее нарушение либо оспаривание права, субъект может заявить о нем другому участнику материального правового отношения, однако ввиду незначительности последствий, опасения противодействия или по каким-либо другим соображениям не выдвигать притязаний о его защите. В таких ситуациях спор о праве также не возникает. Думается, что о правовом споре можно говорить только тогда, когда противоречие интересов сторон достигает того предела обострения, в котором оно проявляется по меньшей мере в волеизъявлении одной из сторон о защите своих прав либо охраняемых законом интересов.

Таким образом, верной представляется идея о том, что сущностью правового спора является конфликт о правах и обязанностях либо охраняемых законом интересах. При этом сформированным он является тогда, когда противоречие интересов сторон достигает того предела обострения, в котором оно проявляется по меньшей мере в волеизъявлении одной из сторон о защите своих прав либо охраняемых законом интересов.

Литература

1. Чечот, Д.М. Иск и исковые формы защиты права / Д.М. Чечот // Изв. вузов. Правоведение. — 1969. — № 4. — С. 71—79.

кандидат исторических наук, доцент

В данной статье предпринята попытка анализа соотношения права, морали и нравственного идеала в русской философско-правовой мысли наиболее плодотворного периода ее развития (вторая половина XIX — начало XX в.). Особое внимание уделено рассмотрению указанного вопроса в теориях В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева, Б.Н. Чичерина, Б.А. Кистяковского, Г.Ф. Шершеневича, И.А. Ильина, И.В. Михайловского и др.

Обращение к исследованию проблем соотношения права, морали и нравственного идеала во многом обусловлено объективно развивающимися на европейском простран-